

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ЧЕШСКАЯ ЗВЕЗДА
48/05.06.2017 КАРЛОВЫ ВАРЫ

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

ГРИГОРИЙ ХАЙТ	Кто Ленского убил?	3
ОЛЬГА ФЕР	Чем пахнет Таджикистан	4
АННА АНДИМ	Ни в сказке сказать, ни пером описать...	6
СВЕТЛАНА НОСКОВА	Желаю счастья	7
ГАЛИНА ВОЛЬСКАЯ	Настоящий полковник	8
ЕЛЕНА МАЙКА	За зеркалами	9
АНДРЕЙ ПРУДКОВСКИЙ	Мистическая история	12
ANNA ALEXANDRA ROJO	Танго втроем	14
ПЕТР ЦЫПЛАКОВ	стихи	16
КАССАНДРА ТАРАСОВА	Бабочка	18

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

Григорий Хайт

Кто Ленского убил?

Такая вот интересная история произошла в одном приятном приморском городе Хайфа.

Жил да был там один алкаш и наркоман (что бывает не очень часто) по фамилии Ленский (что случается еще реже). И вот как-то раз полиция, патрулирующая какой-то скверик, находит там холодный труп господина Ленского. Что там случилось с ним – перепился ли он или перекурился, мы не знаем. Но полиции почему-то всегда хочется это узнать. Причем всегда они подозревают самое худшее. А вдруг это какая-то "нечестная игра" – мокруха в переводе. Посматривают, кто там возле этого самого наркомана Ленского в последнее время крутился. И прихватывают одного паренька, который, кстати говоря, знал этого самого Ленского лишь по имени, да по подзаборной кличке. Приводят его в полицейский участок. Просто на беседу. Садят напротив следователя. Следователь достает листок бумаги, ручку и начинает такой неспешный допрос, заходя издали.

– Ты вот, парень, Ленского знаешь?

Паренек слегка подивился любознательности следователя, но вздохнул с облегчением. Вроде не про его последние "гастроли".

– Конечно, знаю! – отчеканил парнишка.

– А что с ним случилось? – продолжает следователь, – Не знаешь?

– Так убили ж его! – отвечает парнишка.

У следователя в груди начинает бурлить гордость. Класс! Значит, интуиция его не подвела. Но сдержав эмоции, он невзначай задает следующий вопрос, впрочем, уверенный в том, что ответа он не получит.

– А может, ты знаешь, кто его убил?

– Конечно, знаю – отвечает паренек, все еще никак не понимая, куда же этот следователь клонит, и зачем ему понадобилась русская классическая литература.

«Если русский книжный магазин грабнули – думает парнишка, – то я тут ни при чем. Буду говорить, что знаю».

Следователь же, получив ответ и сообразив, что парень что-то знает, тут же резко, с напором, как учили его, чтоб не успел передумать, кричит на парня:

– Кто? Говори!

– Как кто? – пугается парень, – Онегин убил его.

– Так, значит Онегин, – говорит следователь и записывает фамилию на бумажку. Поскольку с гласными в иврите плохо, а информация крайне важная, он даже дублирует фамилию на английском. Далее, уже смягчившись, чтоб не спугнуть, задает следующий вопрос таким мягким отеческим тоном:

– А откуда ты знаешь, что Онегин его убил.

– Так это ж все знают! – отвечает парень.

– Ну, что значит "все"? – говорит следователь, – Вот тебе конкретно кто сказал?

– Мне? – удивляется парень.

– Тебе, тебе! – указывает следователь.

– Пушкин!

– Пушкин, – повторяет следователь и записывает имя уже на иврите, потому что фамилия легкая.

В груди у следователя уже начинается учащенно биться сердце. Начальство непременно отметит благодарностью. Преступление раскрыто.

– Хорошо, – говорит следователь и решает далее зайти издали, – Ну, а Пушкин где? Не случилось ли с ним чего?

– Пушкин? – удивляется парень. – Так убили ж его.

– Убили! – охнул следователь, понимая, что у него в руках ниточка от этого преступного клубка.

– А кто убил? Знаешь?

– Знаю! – отвечает парень, – Дантес убил!

– Дантес! – удивляется следователь, – Имя какое-то странное.

– Не имя, а фамилия! – поправляет парень. – Нормальная французская фамилия.

– Так он, значит, француз! – удивляется следователь.

– Француз, – подтверждает парень.

– И где же убили этого Пучкина? В Париже?

– Не Пучкина, а Пушкина – обижается парень. – И убили его в России.

Тут следователь, наконец, понимает, что это вот всё – даже не преступный клубок, а настоящая международная преступная группировка. И он имеет все шансы эту группировку раскрыть. Он прямо-таки плечами чувствует тяжесть новеньких звездочек на погонах.

– А где же убили этого Пушкина? В Москве?

– Нет, в Санкт Петербурге, – отвечает парень, решив больше не удивляться этому странному допросу.

– А точнее можешь сказать?

– По-моему, где-то на Черной речке. Я могу уточнить, – сообщает парень.

– Потом! Потом! – радостно откликается следователь и начинает со всей возможной скоростью строчить на листике, пытаясь не упустить ни одного слова.

«Зря я магнитофон не включил, – думает следователь, – Не ожидал такой информации. Но теперь уж поздно. Колоть надо парня, пока он не передумал».

– Так! – наконец-то сказал следователь, вперив глаза в преступника. – А когда ж произошло это убийство?

– М-м-м – задумался парень – Так число вспомнить трудно.

– Ну, хоть примерно? – просит следователь.

– Примерно... – соглашается парень – Ну, так лет 150 назад.

– Чего? – слегка удивляется следователь. Но решив, что этот эмигрант слегка путает слова иврита, уточняет: – 150 часов назад?

– Да вы что? – удивляется парень, – 150 лет назад, или 160!

– Ты о ком мне сейчас говоришь? – со злостью спрашивает следователь, видя, как дело разваливается на глазах.

– О Пушкине, поэте, классике мировой литературы! – отвечает парень.

– А Ленский кто?

– Ленский – это персонаж его поэмы.

– А другого Ленского ты не знаешь?

– Какого еще другого? – удивляется парень.

– Ладно, иди... – сообщает следователь.

– Это всё? – удивляется парень.

– Всё!

– Ну, тогда я пошел.

В дверях он лишь обернулся и опять же удивленно сообщил:

– Если хотите, могу принести Пушкина. Почитаете на досуге.

– Не нужно, – со вздохом откликнулся следователь, комкая листок с "признанием", – найду в библиотеке.

Ольга Фер

ЧЕМ ПАХНЕТ ТАДЖИКИСТАН

Продолжение. Начало в номерах 34-37, 44, 46-47

Вода. Напитки

И вновь возвращаемся к воде. Вернее к водам и напиткам, популярным и распространённым среди населения и в торговых точках.

Торговые точки маленькой страны разнообразны. Также разнообразны, как и до Гражданской войны кланов. Преобладают рынки и рыночки, уличные и придорожные частники, продающие плоды своего труда. Прямо как в наших селах глубинки средней полосы и районах Кубани и Дона. Кроме того, конечно, есть поселковые магазины и магазинчики с небольшим, но самым необходимым ассортиментом товаров, как продуктовых, так и промышленных. В городах распространены супер- и гипермаркеты и, конечно, рынки.

Практически во всех продуктовых торговых точках и на рынках имеются всегда разнообразные соки, воды и напитки-лимонады. Все они таджикского производства. Упаковки современные, как и в европейских странах. Вот чего мне ни разу открыто не попало в продаже, это алкоголь. Один раз где-то на окраине Душанбе видела вывеску "Пиво", что внутри магазинчика – не проверяли (но, помнится, в Эмиратах тоже подают в арабских ресторанах пиво, только оно безалкогольное).

Возвратимся к напиткам. Все газированные лимонады под марками "Кока-Кола", "Спрайт", "7up", "Квас" и прочие, на вкус очень сладкие, не приторные, но очень сладкие. Причём сладость напитков кажется как бы недостаточно сладкой. Такой парадокс. Первое впечатление такое, как будто используемый для напитков сахар выделен из натуральных соков, как будто сладость сахара "не созрела".

"Квас" весьма необычен на вкус потому, что классических и оригинальных компонентов в стране нет – наших русских пряных трав, "чёрного" ржаного хлеба (рожь в стране не растёт), а также вследствие использования во всех напитках непривычной нам артезианской воды.

В поисках национального, необычного напитка остановилась на "Оби набот" (дословно "сладкая вода"). Её продают частники вдоль дорог, на рынках рядом с фруктами, есть "оби набот" и в фабричных полу- и литровых упаковках. Вначале решила, что это мёд из-за ярко-жёлтого насыщенного цвета жидкости. Но после перевода нашего "гида" появился интерес к продукту. Как следует из названия, это сахар набот, разведённый всё той же артезианской водой.

Национальный набот – это кристаллы сахара, полученные сложным путём из сахарного сиропа или сладчайших натуральных соков. "Кусок" набота напоминает породу горного хрусталя или кварца. Очень любят набот и оби набот дети. И удивительная вещь – несмотря на высокую сладость, он не приедается.

К особенностям быта

Свобода – возможность уединиться.

В Таджикистане Вам не дадут уединиться.

К особенностям быта. Отступление.

Довелось мне в Таджикистане погостить в трех семьях, а пересячь с шестью – с различным достатком, местом проживания, семейным положением.

Восточное гостеприимство, широкая русская душа, взаимопомощь и сострадание, что-то похожее на волонтерство, щедрость,

"отдать последнюю рубашку" – для многих и многих современных европейцев вещи совершенно несовместимые с понятиями "Азия, Восток". Конечно, о восточном гостеприимстве практически все где-то когда-то что-то читали или слышали, но не верили, потому что не видели, или потому что видели или слышали и другое, нехорошее, которое прижилось прочнее. Смею утверждать, что проверять, хороша или плоха Азия, решились немногие, с большей выгодой и спокойствием для себя оставаясь в удобном неведении.

Побывав почти 20 лет назад на Мертвом море и услышав немало рассказов о выведенных бедуинами затерявшихся туристах, стала собирать личные наблюдения или приключения людей, побывавших в нестандартных ситуациях на Востоке и в Азии. Порой вовсе не толерантные (как теперь говорят) к Востоку люди, в быту или на публике откровенно высказывающие свою неприязнь, после произошедших с ними приключений начинали сдерживаться в полемике на прежние темы.

Например, одна весьма состоятельная по тем временам (конец тысячелетия) дама, позволившая себе трехнедельный отдых на Мертвом море, через неделю уже изнывала от скуки. Все магазины обошла, несколько ночей подряд погуляла, драгоценностей накупила, пресытила и тело и желудок и выспалась. И все удовольствия от моря получила. "Есть не хочу, пить тоже не хочу, спать не хочу..." Напомню, что дорога на Мертвое море, которое находится на "глубине" 430 метров под уровнем, длинна, пустынна и далека от другой израильской или иорданской цивилизации. Просто так не прошвырнешься и не смотаешься куда-нибудь еще, если стало скучно. Теперь-то и экскурсии и такси ходят "на материк" для неугомонных. В то время туристов по путевкам было немного, из России вообще приезжали чаще всего по приглашению (путевки стоили дорого). Если все "другие" отдыхающие пользовались морем по назначению – преимущественно в лечебных целях, то россияне не могли с этой нирваной смириться. Даже женщины.

Так вот, дама оделась по-спортивному, она была еще молода и активна, запаслась некоторым количеством пищи и воды и отправилась "прогуляться" по прилегающей горной местности. На ее счастье, она отправилась рано утром, до завтрака, намереваясь забраться на пару-тройку гор, пофоткать и вернуться к обеду. Стоял штиль, жара. Жара на Мертвом море стабильная, ветра там практически нет. Углубившись от дороги в пустыню, дама, не имея никаких ориентиров, прошла, как потом оказалось, несколько (около 5) километров в надежде увидеть оазис или бедуинский поселок, чтобы запечатлеть их на память и... вернуться. Как после оказалось, она ушла в сторону дикой пустыни – компаса у отдыхающего нет, по солнцу мы ориентироваться не умеем (в школе-то не учим ориентирование – зачем?), надеемся, что всегда нас найдут раньше, чем потеряемся.

Дело шло к вечеру. Темнело быстро. Дама начала беспокоиться – и куда назад идти не знает, и впереди безмолвие. Решила переночевать прямо тут. Авось в отеле хватятся и начнут поиски. Разбудили ее странные звуки, то ли крик ночной птицы, то ли голос ишака, то ли мотор автомобиля. В темноте ничего не было видно...

В отеле дама занимала одноместный номер. Уходя, ключ она не сдала, рассчитывая рано вернуться.

Хватились даму на следующий день, в обед. Горничная в номер стучала-стучала. Накануне на обеде и ужине, на утро на завтраке

даму не видели. Свои дорогие процедуры она пропустила, хотя за первую неделю прослыла жадной и мелочной особой, считающей каждый цент и издевающейся над работниками отеля, требуя к себе повышенного внимания. Её ненавидела половина постояльцев из-за её необоснованного гонора и придириж к мелочам. Общаться с ней было сложно, так как во всём она находила изъяны и поучала, кто, что и как должен делать. При этом собственное неуважительное отношение к чужому труду публично ставила в ранг господин/раб.

А вот дома у мадам, как часто бывает, была полная контрастность – "художественный" беспорядок. Такой же беспорядок сопровождал и её личную жизнь: затюканный муж, боящийся нос высунуть из панциря, великовозрастный недоросль-сын, не уважающий никого и в первую очередь мать, уж более 20 лет проводящий жизнь в безделье и прожигании жизни, ленившийся создать даже свою собственную семью. Даже домашние животные старались как можно меньше пересекаться с хозяйкой, ибо страх быть простиранными в машине сильнее голода.

Исчезновение неприятной отдыхающей воспринялось жителями отеля как радостное облегчение. И они весьма огорчились, когда пошли разговоры, что она "всё ещё где-то тут". И вновь многие позлорадствовали, когда её исчезновение связали с уходом в пустыню.

Стало душно и зябко. Дама открыла глаза и поёжилась. Она сидела, прислонившись к чему-то. Уже открыв рот, чтобы по привычке "позвать слуг-рабов", которые не подали ей вовремя тёплый плед и не подали подогретого пива с имбирём, как вдруг...

Подосва большого, с ладошку, спортивной бутсы, мокрого от чего-то слизкого и отвратительно пахнущего, прошлась по её выхоленному, ухоженному разным кремчиками и мазями лицу. Дама вскрикнула, и страх застыл на её лице. Подосва задышала и вновь прошлась по её лицу. Дама попыталась встать, однако, затекшие члены не слушались. Она осталась сидеть, скрючившись от холода и страха. Слова о помощи никак не хотели вырваться из онемевшего горла. Она услышала, но возможно почувствовала шаги. Подосва тем временем собралась пожевать её супермодную и супердорогую кофточку. Дама отчаянно засопровтивлялась.

В то время фильмы-ужастики только-только стали заполонять наш телевизор, поэтому дама ещё не была столь продвинутой в этой области и не на шутку испугалась. Наверное, ей должны были мерещиться всякие одноглазые, безрукие, многоголовые чешуйчатые монстры-зомби желающие скушать её, разрывая на части и посапывая от удовольствия. Все эти ужастики могли ей

привидеться, если бы век был уже 21-й. Но век ещё был почти 20-й.

Крик. Ночной ли птицы или пустынного животного прервал общение "подосвы" с лицом нашей дамочки. Какая-то неосязаемая сила попыталась её поставить на ноги. Безуспешно. Потом дама ощутила руки, человеческие руки, которые подняли её как пушинку и понесли. Чавканье "подосвы" раздалось совсем близко. Дама возносилась в небеса. Она не сопротивлялась.

Представив себя мешком с картошкой, подмерзшей на овощебазе, дама стала предполагать, что происходит вокруг. Её положили, а по сути – захихнули меж двух полутвердых вершин чего-то мохнато-бархатного.

Напомнило Египет. Когда дама отдыхала там, то пресыщенная удовольствиями моря и тепла, она подалась к пирамидам в составе таких же искателей смены обстановки. У пирамид толклось множество отдыхающих, желающих покатаются на верблюдах, отковырять часть пирамиды на память, сбегать в пустыню, и т.д.

Та прогулка на верблюде осталась в её памяти неприятным приключением. Она, конечно, слышала, что арабы, владельцы верблюдов, зарабатывают на глупых туристах, не знающих языка, но жаждущих верблюжьего сафари. Дама языки знала, считала себя начитанной, владела деньгами и ничего (так она тогда считала) не боялась. Она на английском языке быстро договорилась с арабом о прогулке по пустыне и, усевшись с его помощью на верблюда, приготовилась к сафари. Араб что-то ещё говорил про форму одежды, возмущался, что дама не хочет надевать балахон, похожий на полосатый наперник недавно выброшенной на помойку бабушкиной перины, столь немодного предмета в интерьере современной спальни...

Совершив намеченный по программе променад, верблюды вернулись на исходную позицию, но не спешили расставаться с туристами. Даму это весьма напрягло и возмутило, тем более, что во время запланированного обеда в пустыне, в бедуинской палатке её к этому обеду не допустили. И ни её возмущенные высказывания типа "я заплатила, и вы все мне должны!", ни размахивание пачкой долларов перед лицом "наглого" араба, ни увещевания о собственной значимости на разных языках, ни, в конце концов, мольбы "отпустите, дяденька" – ничто не возымело желаемого дамой действия – группа пошла трапезничать, а дама так и осталась сидеть на верблюде. Она просто пренебрегла обычаями данной страны и получила по заслугам.

Продолжение следует

Станислав Радкевич

«Август-91. До и после»

«Вот, говорят, умерла литература. Вот, говорят, нет (и не дожидется) в России среднего класса. Появление прозы Радкевича – опровержение и первого, и второго тезиса. Он вводит нового героя – «среднего русского». Это совсем не одиночка «новый русский». «Средний русский» – это то, кем может стать большинство из нас, если, конечно, ничего не случится. Кто он, этот «средний русский» (кто мы)? Как он вписывается (мы впишемся) в мир? – знает ли об этом сам автор? Пошел ли процесс?»

Татьяна Морозова, «Литературная газета»

«Радкевич вывел главного героя, олицетворяющего собой «среднего русского». Это человек, родившийся в средней советской семье, который, «достигнув жизни середины», оказался на баррикадах у Белого дома в августе 91-го. Судя по происходящим в нашей стране событиям, у главного героя книги есть шанс поучаствовать на склоне лет в еще одной «революции» – оранжевой. Остается надеяться, что он к этому времени станет более разборчивым в выборе тех, кто оплачивает баррикады».

Федор Хмелевский, «Литературная Россия»

– Царевича вызывали?

Я с удивлением разглядывала молодого мужчину, минуту назад возникшего у моей двери с несколько странным вопросом. Довольно симпатичный, худощавый, каштановые волосы до плеч слегка завиваются. Синие глаза озорством лучатся. Шутник какой-то? «А!» – догадалась я.

– Вы, наверное, сантехник по фамилии Царевич? Это не ко мне, вы в соседнюю квартиру постучите, у них, кажется, труба подтекает.

– Какой такой сантехник? – насупился гость. – Царевич Егор, Мудрослава Храброго сын.

«Умалишенный!» – мелькнуло у меня в голове. Решила подыграть, так безопаснее будет.

– Допустим. А царство твое где находится? Что-то я самодержца с таким именем не припомню.

– Вестимо где. Наше маленькое, но древнее государство возле того королевства находится, правители которого – король с королевой – год назад всем войну объявили. Это-то, надеюсь, известный факт.

«Хм, спорное утверждение. Ладно, попробую по-другому».

– Пусть так, только не вызывала я царевича, вот разве что... – закашлялась я, вспомнив, как совсем недавно, сидя на своем любимом диване, тихо злилась на очередного несостоявшегося жениха и мечтала о настоящем принце.

– Вот видишь, – обрадовался сын Мудрослава, – вспомнила.

– Ничего не вспомнила. Я не о царевиче мечтала, а о принце, и то под влиянием минутной слабости.

– С принцами дефицит, – вздохнул Егор. – Да и царевичей скоро не останется, так что, почитай, счастливый билет вытянула, раз к тебе пришел. Ну, хозяйшшка, что есть в печи, все на стол мечи, проголодался я с дороги.

Я налила голодному царевичу тарелку вчерашнего борща, а сама спрашиваю:

– Егор, а ты какую мужскую работу по дому делать умеешь? У меня подлокотник на диване оборвался, и табуретка скоро без ножки останется. Починишь?

– Ну, ты даешь! – гость посмотрел на меня с удивлением. – Я же царевич! Мне не положено холопскими делами заниматься, для этого слуги имеются.

– На слуг денег много зарабатывать надо. Сумеешь?

– Ты что! Казна государева налогами полнится.

– Ясно. Твой батюшка помогать станет?

– Вот непонятливая, – рассердился царевич. – Я воплощение мечты. Следовательно, быт – на твоём обеспечении. А я, как мужчина, могу песнь в твою честь сочинить. Ну, или, в крайнем случае – с драконом сразиться. Только не очень опасным, а то

погибель во цвете лет не входит в мои планы.

Я прикинула в уме картинку и поняла, что такой пасьянс мне совсем не нравится.

– Слушай, а чего это ты в царевичи по вызову подался? Невесту в своем государстве найти не смог?

Видимо, задела за живое, мой гость пробурчал:

– С царевнами напряженка. Ваши-то мужчины тоже себе созданий неземной красоты воображают. Вот королевны наши и сбегают. И чего им тут, как медом намазано?

Тяжелый случай! Похоже, стала я заложницей своих мимолетных грез. Взмолилась: «Господи! Пошли помощь свою всевышнюю. Впредь обещаю, прежде чем пометать, семь раз подумаю».

Открыла глаза, надеялась, исчезнет Егор Мудрославович, ан нет, к моему любимому дивану примеряется. Что делать?

Тут раздался звонок в дверь. Открываю, на пороге мой давешний бойфренд стоит с охапкой роз. Кольцо в футлярчике протягивает:

– Извини, дорогая. Я был не прав. Давай попробуем начать все сначала.

Я глаза опустила, вроде смутилась, а сама в комнату украдкой поглядываю. Царевич на диване примостился-таки и телевизор включил. Разобрался с техникой, шельмец. Караул! Вместо одного нахлебника два получается. С «бывшим» мы тоже из-за его несостоятельности расстались.

Тут как раз сосед поднимается. Хороший парень, дружелюбный, собака у него веселая – терьер английский. Увидел меня, поздоровался, а я знаками показываю «SOS – выручай!» Он быстро сообразил, собаку в приоткрытую дверь пропускает, а сам ко мне:

– Заждалась? Мы с Бетти загулялись немного, – приобнял меня легонько, и от дверей отталкивает.

Я тоже не теряюсь, «бывшему» вещаю:

– Ты немного опоздал, – дверь захлопнула и рассмеялась.

– Спасибо, Максим, – говорю. – С меня пицца и для Бетти угощение придумаю. Вот только, что с царевичем делать?

– С каким еще царевичем, – недоумевает сосед.

Я в комнату его позвала. Думала, сейчас представлю титулованную особу, а там и нет никого. Только записка на диване валяется: «Предупреждать нужно, что не свободна. Возмущен», и вместо подписи корона намалевана и рядом череп. Он еще и рисует! Как ему только скрыться удалось, не понимаю. Хотя, чего об этом думать. Вовремя исчез. Какой день хороший! Максим к себе ушел, вечером вернуться обещал. А мне подготовиться не помешает. Пока от гостей непрошенных избавлялась, поняла, что сосед мне очень нравится. Хоть и не принц вовсе.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Тёмный вечер окутывал землю. Серебром отливали звезды. Тихо и медленно, кружась в танце, падал снег.

Фонарь освещал двоих: мужчину и женщину. Они целовались: он крепко сжимал её в объятиях, она трепетала. А мы с девочками стояли поодаль и как завороченные смотрели. Не дышали, замерли — эти двое, как на сцене, играли перед нами Любовь. В тот момент не было ничего более правдивого и искреннего, чем чувство, соединившее их в нежном, долгом поцелуе.

Позже, гораздо позже, став умной и взрослой, когда речь заходила о любви, я вспоминала этот вечер, снег, лица, стук моего сердца и восторг, восторг от прикосновения к чему-то новому, неизведанному.

Кто бы мог подумать, кто мог знать, что у тех двоих нет будущего, что это последний поцелуй, что их дороги, жизни, миры разойдутся, чтобы никогда не сойтись? Кто мог знать...

Да, так бывает. Так было и у меня с Вадиком.

Вадька — милый очкарик из параллельного потока, моя любовь на третьем курсе. Он встречал меня каждое утро доброй, смущенной улыбкой карих глаз. Слова песенки "А твои глаза цвета виски, от меня они близко-близко" крутились у меня в голове. В перерывах между парами мы бегали покурить. После выезда на картошку курсом курили все, даже ботаны, мамыны дочки и сыночки.

Вадька случайно касался руки, щеки: «Ой, испачкалась, дай вытру». Поправлял волосы: «Разлохматились». Обнимал за плечи.

Пятнадцать минут пролетали вихрем, весь семинар по высшей математике я автоматически записывала, решала задачи и ждала окончания пары, представляя, как тёплый Вадькин взгляд окутает меня с ног до головы, руки прижмут к себе и не отпустят.

— Мамочка, я влюбилась, — шептала я, уткнувшись в родное плечо.

Она гладила меня по голове, как маленькую, и улыбалась.

И не было в этой любви боли и страдания. Все легко, просто, весело, спокойно, радостно. Не страшно и не стыдно. Я — это

Вадька. Вадька — это я. Одно, целое, единое.

Дело шло к свадьбе, мы листали журналы, выбирали белое платье, чёрный костюм, кольца, фату и всякую свадебную всячину, от которой у девочек кружится голова, а из глаз сыплются искорки счастья в предвкушении сказки.

— Когда ты заходишь, будто солнышко начинает светить, а говоришь — ручеек журчит, — нежно произносил Вадим.

Эти слова делали меня ещё счастливее, я целовала его и приговаривала: "Поцелую в глазки, в бровки, в носик, в щеки", — и хохотала, хохотала от переполнявшей радости.

Только один человек — моя подруга говорила, что так хорошо долго не бывает.

— Типун тебе на язык, завидуй молча, — отмахивалась я, ни на секунду не сомневаясь в нашей любви.

И когда Вадька завёл этот разговор — не поняла, не въехала: о чем это он? Как «отложить свадьбу»? Какая Африка, какая работа, какой папа?

Он долго объяснял. Я плакала, умоляла, орала, угрожала. Потом плакал он, умолял и орал. Потом молчали... долго-долго. Так молчат перед разлукой.

И мне вдруг вспомнился тот вечер, фонарь, снег, лица, стук моего сердца...

Мы целовались, Вадим сжимал меня в своих объятиях, я трепетала... Это была Любовь — первая, чистая, незабываемая. Мы давали друг другу слово, клятвы, обещания... но кто бы мог подумать, кто мог знать, что поцелуй — последний, что наши дороги, жизни, миры разойдутся, чтобы никогда не сойтись... Так бывает...

Годы — они как дождь: идут, идут, да и проходят.

Но несмотря ни на что и вопреки всему, я любила и люблю тебя Вадька — мой милый очкарик из параллельного потока, моя любовь на третьем курсе.

Будь счастлив! И я счастлива! Мы ведь рождены, чтобы быть Счастливыми!

Алексей Хазанский

«Фантомы любви»

Стихам Алексея Хазанского присуща та особая, незаметная на первый взгляд мелодичность, свойственная произведениям классиков русской поэзии XX.в. - Арсения Тарковского, Николая Заболоцкого (особенно заметная в его поздних работах). Мелодичность, которая незаметно, но властно подчиняет себе ум и чувства читателя, вдруг превращая чтение - в исполнение, строфы - в куплеты романсов, звучащие в сознании ясно и отчетливо. Кажется, только сядь за фортепьяно - и руки сами найдут верные ноты, и слова вырвутся на свободу из двумерности бумаги, обретая свое законное место в ткани мироздания.

ISBN 978-80-7534-132-7.

— Галя, здравствуй! Как у тебя дела? Тут у моего мужа место программиста появилось. Не хочешь?

— Я подумаю, сейчас у меня вроде все нормально.

— Андрей уволился. Его, конечно, никто не заменит, но, может быть, все-таки попробуешь?

— Спасибо, Марина. Я позвоню, если надумаю.

Я в это время работала на заводе «Красный Октябрь». Работы много, далеко ездить, но оклад вполне приличный, вряд ли в другом месте буду столько получать. Платят с задержками, но я сижу и работаю непосредственно в бухгалтерии, удастся что-то получать за счет самовывоза. Это когда приезжают за цементом на своем транспорте и расплачиваются наличными деньгами. На всех, конечно, не хватает, но «конторские» себя не обижают.

Но вдруг обострился давний конфликт с начальником цеха, в штате которого я формально числилась. И в этот же день приехал на машине муж Марины Валерий Дмитриевич. Они ждали из Москвы своего начальника, тот потребовал, чтобы нашли как можно скорее программиста. Заместителем московского начальника в Вольске работал Гальский, Валерий Дмитриевич был старшим научным сотрудником, но к его мнению очень прислушивались. Они согласились даже на постоянную доплату к моему окладу, поскольку я поставила условие, чтобы зарплата у меня была не меньше, чем на «Красном Октябре». Задержек с выплатой у них не было. Возили работников на своей машине от проходной воинской части, недалеко от моего дома. Коллектив небольшой, всего 15 человек, почти у каждого отдельный кабинет. Располагаются в большом здании на территории аэродрома воинской части, но числятся в штате Физического института Академии наук. Начальник, инженер, один программист находятся в Москве, остальные в Вольске — Вольская экспедиционная база. Штат был большой, работ проводилось много, но после всех сокращений остался вот такой урезанный состав.

С Мариной мы работали в одном отделе в воинской части. Я занималась работой с детьми по линии профсоюза, Марина много лет была бессменным председателем женсовета. Ей эта работа нравилась, в отличие от меня. Для меня это было обязательной партийной нагрузкой, занимающей много времени и отвлекающей от основной работы. Особенно перед Новым годом у меня заранее начинала болеть голова: закупка подарков для детей в условиях дефицита, организация утренника. А Марина ждала этот праздник с радостью.

Валерий Дмитриевич работал начальником четвертого отдела. Всегда занятый, сосредоточенный, весь в себе. Мог пройти, не ответив на приветствие, просто не заметить. Резко выступал на партийных собраниях, критикуя недостатки. Многим, естественно, это не нравилось, на него сыпались обвинения. Марина не выдерживала, бросалась его защищать, хотя он просил ее не делать этого, от ее защиты только хуже им обоим.

И вот я работаю непосредственно с Валерием Дмитриевичем, попадаю под влияние его личности и втайне замечаю, что он нравится мне все больше и больше. Личной жизни у меня практически никакой, если не считать редкие письма Михаила, отца моего младшего сына, которые в последнее время причиняют только

боль. Я пишу ему о сыне, о том, как мне трудно без чьей-либо помощи. Я устала ломать голову над тем, как прокормить и одеть детей на те гроши, что мне платят. А он присылает хвастливые письма о машинах, квартирах, дачах, о том, как ему повышают зарплату. И о том, что дети не входят в число его увлечений. Впрочем, сына и дочь, которые живут с ним, он не бросает, они тянутся к нему, и от Павлушки он, в общем-то, не отказывается, хотя и не помогает.

Не сразу удалось развязаться с заводом. На мое место приняли такого «олenea», как говорит мой старший сын, племянника того самого начальника цеха! Никакого отношения к программированию он не имел, пытается осваивать, но с большим трудом. А бухгалтерам надо работать, устранять сбои в программе, исправлять ошибки набора некому. И Вера, начальник отдела кадров, просит дописать начатую программу. Она учится в заочном экономическом институте, программа ей нужна для диплома. Мы работаем без обеда, уезжаем часа в 3, иногда раньше. Я выхожу на повороте из машины, спускаюсь по тропинке к конторе завода, работаю там до конца рабочего дня. Когда же на заводе все постепенно наладилось, мне предложили работать на полставки в роддоме. Согласилась, детей надо тянуть, старший учится в университете, младший школьник, деньги нужны.

Самый населенный у нас второй этаж. Здесь находятся бухгалтерия, где сидят две Татьяны — большая и маленькая. Бухгалтер — большая Таня, маленькая работает секретарем, делопроизводителем. Ближе их — кабинет заместителя начальника Петра Борисовича. С другой стороны бухгалтерии располагаются инженеры Виталий Михайлович, Олег Николаевич, Борис. Борис самый молодой в нашем коллективе, работающий, услужливый. За ними кабинет Валерия Дмитриевича, потом комната, забитая какой-то аппаратурой. А дальше, почти в конце коридора — мой кабинет. После густонаселенной бухгалтерии завода, где у меня не сразу появился рабочий стол, и где постоянно звонили телефоны, шли непрерывным потоком посетители, я наслаждаюсь тишиной и уединением. На первом этаже под бухгалтерией мастерские Василия Михайловича и Юрия Николаевича. Там же обитает наш шофер Вадим и уборщица Галина. Над бухгалтерией, на третьем этаже — владения нашего завхоза Василия Андреевича. Еще множество кабинетов стоят пустые — результат сокращения когда-то большой организации. Само здание высокое, его видно издалека. В огромном машинном зале стоят наши машины: ГАЗ-66, автобус, газик-вездеход и наиболее часто используемая «буханка» скорой помощи. С нее даже красные кресты не стали смывать, чтобы меньше останавливала ГАИ. На ней мы обычно добираемся на работу и с работы. Другие машины используются при необходимости, в частности, когда приезжает московское начальство, командировочные, выполняются запуски и подъемы аэростатов (аэростаты есть свободные и привязные). Рядом с нашим зданием еще один сравнительно небольшой корпус, также принадлежащий ВЭБ. Все другие корпуса на аэродроме являются собственностью воинской части. Мы вроде бы арендуем у них территорию и сотрудничаем с ними.

Продолжение следует

Добрый день. Меня зовут Олли. Я работаю в редакции. Если среди вас, дорогие мои читатели, есть журналисты или корреспонденты, пожалуйста, не ищите ничего общего между вашей и моей работой. Наша редакция ничего не издает. Мы собираем материал, а редактор его редактирует. Что за странная редакция? Вы поймете, если наберётесь терпения и дочитаете мой рассказ до конца.

Эта история началась в тот день, когда я получила новое задание. Впрочем, нет, наверное, немного раньше. Однажды кто-то повесил в нашей комнате плакат с молитвой «Отче Наш». Редактор остановился перед плакатом, прочитал, обвел всех нас внимательным взглядом. Мы притихли и еще более усердно зашлептели листочками. А через несколько дней редактор пригласил меня в кабинет и дал задание. Может быть, он заметил, что я не останавливаюсь перед плакатом, не шевелю губами, не прижимаю руки к сердцу и не воздеваю очи к небу, а быстро проскакиваю мимо на свое место?

Выписывая карточку задания, редактор спросил, знаю ли я, что люди, обращаясь к Богу, называют его Отцом?

— Конечно, — ответила я, — как же это не знать? Это все знают.

— Вот пойд и узнай, что такое отец, их собственный отец, для каждого из них.

И я пошла.

— Отец. Что для вас означает это слово? — такой простой вопрос я задавала мужчинам и женщинам, молодым и постарше. Третья часть опрошенных мною, как оказалось, вообще не общаются со своими отцами. Не имеют такой привычки, потребности или что там ещё. Около 20 процентов говорили о «сложных» отношениях. В чём заключаются эти сложные отношения? Ну, например, некоторые мои собеседники рассказывали, что чувствуют себя неловко, встретившись с отцом один на один. Пришли навестить, а о чём говорить — не знают. У некоторых ситуация немного лучше: они даже, бывает, собираются всей семьей на праздники. За-столье. А разговоры... ну что-то там о моделях газонокосилок. И ни слова о личном, о душевном, о наболевшем. Еще одна треть респондентов — те, которые при слове "отец" шарахались в сторону, говоря, что никогда не знали своего отца и отказывались продолжать беседу. Со словом отец у большинства из нас, как оказалось, связаны воспоминания самые тягостные. Да-да, я не оговори-лась: из нас. Я тоже была частью этой массы людей, идущих по жизни без стартового капитала любви и надежного тыла полноценного семейного очага. Некоторые мои собеседники, возможно, были готовы рассказывать о своём детстве, об отношениях с родителями, но я комкала беседу и уходила. Они ожидали вопросов, на которые может быть согласились бы ответить, но я их не задавала. Если кто-то пробивался через мою стену личного отрицания этой темы и пытался отвечать, я ощущала такую сильную боль, что не слышала или не понимала, или не принимала ответ.

Всего лишь единицы из опрошенных мною говорили, что отец для них — это друг и опора. Да и с ними я тоже не развивала тему. Я не верила, что так бывает. А скорей, не хотела верить.

Я продолжала ходить по улицам, останавливать прохожих в торговых центрах, на вокзалах, в парках, на набережных и площадях. Я опросила тысячи людей. Количество не преобразовывалось чудесным образом в качество. В моих интервью не было жизни, не было чувства, не было смысла.

Тема была завалена.

Кое-как слепив в кучу весь собранный материал, я пошла сдаваться редактору.

Перед входом в кабинет редактора я остановилась привести себя в порядок. Хотя бы внешне. Внутри я давно была не в порядке. Болело всё. Иногда боль была терпимой, иногда невыносимой. Она яростно разрывала моё тело в мелкие клочья. Иногда сводила судорогой. Иногда ныла зубной болью в позвоночнике. От нее некуда было убежать, негде спрятаться. Царство боли давно поглотило меня и властвовало над моим телом. Иногда я, устав от боли, обращалась к специалистам. Причин не находили, мое тело было в порядке, а вот то, что так может болеть душа, мне никто не говорил.

Я выпрямила спину, развернула плечи. Натянула улыбку, которая должна была символизировать радость. И вошла.

Он сидел за своим столом, по обыкновению погружённый в бумаги. Папку с моими материалами принял. Прочитал. Отложил в сторону. Так и не поднимая на меня глаз, взял чистый бланк для заданий и размашистым почерком написал: «В отпуск». Я судорожно и сбивчиво принялась объяснять, что я ещё могу... Я ещё очень много могу... Я буду работать и обязательно справлюсь. Не надо меня... в отпуск. Редактор терпеливо ждал. Когда я замолчала, редактор жестом пригласил меня присесть за отдельный столик. Там было удобно сидеть и думать. Очень уютно и спокойно. Редактор писал своё, а я своё. Последнее интервью в этом проекте. Интервью с самой собой.

Два участника беседы. Я и чистый лист бумаги. Написанное мною никто никогда не прочтает. Разве что редактор. Но он не осудит. Не обвинит. Он всё знает обо мне еще до того, как я напишу первое слово. Тем не менее, я не могу даже начать. Что же для меня означает слово «отец»? Тема, давно заблокированная в моем сознании. Над этим понятием выстроен саркофаг, заваленный грудой камней, поросших колючим шиповником, терном и крапивой. Приближаясь к месту погребения, я неминуемо обжигалась и кололась об шипы. Неудивительно, что беседы с людьми у меня не получались. Задав вопрос, я тут же убегала и пряталась. Любой ответ мог причинить мне боль. Я убегала не от собеседника, я убегала от своей боли.

Для меня слово «отец» означало того, кто презирал и ненавидел меня. Не удивительно, что я бегом проскальзывала мимо плаката со словами «Отче наш», втянув голову в плечи и стараясь стать незаметной. Лишь бы не ненужной.

Время шло. Плохие воспоминания в такой уютной обстановке не приходили на сердце. Хороших не было. На листе, лежащем передо мной, была выведена всего лишь одна фраза:

— Я — интроверт, всматривающийся в горизонт.

Усилием воли я заставила себя дописать:

— Не идёт ли тот, кто принесет мне долгожданное облегчение? Признав мою индивидуальность. Мое право на жизнь.

Мой отец не признавал мое право на жизнь. Мое появление на свет было ошибкой. Вероятно, он подозревал о своей причастности к этой ошибке, и это доводило его до бешенства. Итак. Мой вердикт. Отец — это тот, кто меня ненавидит. Он хотел бы уничтожить меня, но у него не хватило на это духа. Теперь я исполняю его волю. Я уничтожаю себя сама. Отсюда депрессия, отсюда боль. И ни один врач не сможет мне помочь.

В воздухе запахло капучино.

Я отбросила в сторону ручку, отодвинула бумагу с несостоявшимся интервью и размечталась об отпуске. Спорить с редакто-

ром – себе во вред. Сказал, в отпуск – значит, в отпуск.

– Куда я поеду? – услышала, будто издалека, я свой робкий голос.

И не получила ответа.

– А что мне брать с собой? – не успокаивался мой голос.

– Там есть всё необходимое, – удостоил меня ответом тот, в чьем присутствии мне было так тихо и уютно, – позаботься лучше о том, чтобы оставить ненужное и не тянуть его за собой.

О том, когда мне возвращаться, я не стала спрашивать. Я знала, что он меня не уволит, сколько бы я ни отсутствовала. Даже если наберет новеньких, то они не займут моего места, а каждый займет свое.

Он – редактор. Он только делает вид, что редактирует наши тексты. Он редактирует нас.

Запах капучино усилился. В открытое настежь окно влетело шоколадное облачко, которое вскоре воплотилось в медвежонка Барни. Знакомьтесь. Это – Топ-Топыч. Моя фантазия. Как бы вам объяснить, кто это такой? Попробую так. Приходилось ли вам разговаривать с самими собой? Вот видите, приходилось! А с кем вы разговариваете? Не знаете? А я знаю. Топ-Топыч – это та моя составляющая, которая отвечает за фантазию. Еще в моей команде есть Память. Ну, тут, надеюсь, объяснять не надо. Память – она память и есть. Знаете ли вы, как выглядит ваша память? Я свою хорошо знаю, часто беседуем. О Лисе тоже надо упомянуть. А вот рассказать о Лисе я не смогу, не получится. Пожалуйста, сделайте вид, что вы все поняли! Тогда я смогу продолжать свой рассказ.

Топ-Топыч в последнее время сменил образ. Ему наскучило выглядеть огромным лохматым бурым медведем. Теперь он появляется в виде изящного шоколадного облачка. Что остается неизменным во всех его преобразованиях, так это приятный кофейный оттенок и способность летать.

Я притворилась, что усиленно работаю, и мне не до него. Он притворился, что обижен, и нырнул под стол редактора. Тут же вылез, но уже с противоположной стороны стола и в ином виде. Теперь он был в образе одного из мишек Гамми. В зелёной жилетке и со шляпой на голове. Немного переигрывал. Мишки Гамми – это лесные жители. Топ-Топыч же в своем новом образе больше напоминал моряка. Тельняшка под зелёной жилеткой сохранилась со времен мишки Барни. Походка – широко расставив ноги и слегка раскачиваясь – как у боцмана, недавно сошедшего на берег и ещё не отвыкшего от морской качки. Может, Топыч и был недавно в плавании. Я не знаю. Я давно его не видела. Он не любит, когда я валюсь с ног от усталости и боли непонятного происхождения. Когда я не в форме, Топыч покидает меня. На время.

Вблизи редактора Топ-Топыч ведёт себя иначе, чем со мной. Никаких комплексов, никаких обид. Весёлый, добродушный медведь, обнимающий редактора за шею мохнатой лапой. Подсовывает голову под руку, что бы редактор его погладил и потрепал за ухом в знак одобрения. Они о чём-то переговариваются вполголоса. Я не слышу о чём именно, но точно, что не обо мне. Меня как будто вообще не существует. С той стороны стола ведут приятную беседу два приятеля, которые давно не виделись, им есть о чём поболтать, и они явно довольны друг другом. А мне тоскливо. Я хочу закончить интервью и перестать копаться в себе. Раскопки не приносят мне радости. Я не хочу в своё прошлое. Ни в один из дней. Я не вижу лица, которое было бы радо мне там. Я не слышу голоса, который похвалил бы меня. Я не вижу плеча, на которое мне можно было бы опереться. Я не вижу спины, за которую я могла бы спрятаться. Я иду по пустыне, и белое солнце слепит мне глаза.

Я хочу домой.

Знать бы, где этот мой дом...

Мои сборы в отпуск были недолгими. Помня наставление редактора, я не стала нагружать сумку многими вещами. Потом задумалась о том, что мне следует оставить и не тянуть за собой в дорогу. О чём это он? Я попробовала посмотреть на ситуацию его глазами. Что считает главным он? Точно, что не вещи. Хотя, если его и окружают предметы, то они шикарные. Изящные, привносящие в среду его присутствия некоторый изыск. И комфорт. И роскошь. Однако настоящей роскошью он считает человеческое

общение. В его присутствии все мои коллеги начинают вести себя весьма утончённо. Плечи расправляются, осанки выравниваются, улыбки сияют искренностью и простотой. Умолкают сплетни, злопыхательства, злоречие и язвительные замечания. Ни тени сарказма, ни слова упрека друг другу. И ведь могут же! Любить друг друга вплоть до того самого момента, пока он не зайдет в свой кабинет и не закроет за собой массивную дверь. Суета возвращается в наше общение. Где мы настоящие, а где в масках?

В его кабинете просторно и уютно. Светло и спокойно. Все предметы, которые имеют к нему какое-либо отношение, становятся красивыми, соприкоснувшись с ним. Мы тоже преобразуемся вблизи него. Но предметы остаются красивыми навсегда, а мы лишь на время. Вход в кабинет доступен всем. Я ни разу не слышала, что бы он отказал кому-нибудь в приеме. Никогда не видела, что бы он запирался от нас изнутри. Но мы не заходим в кабинет без приглашения. От робости? Или боимся быть самими собой? Сняв маску, что мы увидим в правдивом зеркале?

Я решила определиться: какие отношения я хотела бы взять с собой, отправляясь в отпуск, а какие оставить, может быть на время, а может быть – навсегда. Взяла два чистых листа бумаги и две ручки. Зелёным цветом я планировала написать список тех, кого хотела бы видеть рядом, а красным тех, кого не пушу к себе, даже если они будут толпиться у меня под дверью и стучать в нее. Зелёный список складывался. С красным ничего не получалось. Совершенно нереально представить себе хоть кого-то, кто бы пробивался ко мне в отношения, тем более стучась в закрытую дверь. Если теперь я уеду, быть может, надолго, интересно, они заметят мое отсутствие?

В дверь постучали.

Если бы я писала рассказ о путешествии, я бы начала так: «Мы двинулись в путь на рассвете...» В реальной жизни за мной заехали поздно вечером.

Топ-Топыча не было. Лис и Память сидели, обнявшись, на обочине. Они остаются. Я еду одна. Память в последнее время стала отказывать мне в общении. В ответ на любой мой вопрос она начинала кричать и стонать, изображая из себя древнюю старушку. Потом она начинала рыться у себя на складе, бесконечно перебирая одни и те же совершенно ненужные мне папки и открывая коробки с разной дребеденью. Бумаги в папках путались, коробки рассыпались, она отвлекалась на то, чтобы всё прибрать и навести порядок. Похоже, Память не замечала, что во время наведения так называемого порядка она продолжала крушить и разваливать все то, что было накоплено мною в архивах за долгие годы. Я махала руками и кричала: «Да ладно! Уже не надо!» Память прекращала поиски и, внезапно помолодев, вприпрыжку мчалась на обочину дороги, где и сидела с Лисом, болтая о чем-то своем. Но точно, что не обо мне.

Мы двинулись в путь в кромешной темноте.

Сначала я пыталась угадать направление движения, затем оставила это бесполезное занятие, заняв свой ум фантазиями о том, где я вскоре окажусь.

Иногда я мечтала оказаться на берегу лазурного моря. Песчаный берег. Лёгкий бриз. Простор. И никуда не надо спешить, наслаждаясь покоем и одиночеством. Потом мои мысли перескакивали, рисуя иную очаровательную картину. На этот раз я видела себя в лесу. Пели соловьи, а на полянке возле домика зрела земляника, и выглядывали из травы под деревьями коричневые шляпки белых грибов. Тишина и уединение, дарящие спокойствие. Я не задумывалась о том, чем буду я там заниматься. Мне казалось желанным ничего не делать. Усталость, сковывающая мое тело железными обручами, изматывала меня. Я боролась и мечтала победить её, выбирая в качестве своего оружия покой и бездействие. Мысли прыгали, толкаясь и перебивая друг друга. Как обезьяны: с ветки на ветку. Затем мысли-обезьяны уgomонились и принялись раскачиваться на лианах в такт биению моего сердца. Медленно, но верно преобразуясь из резвых мартишек в сонных ленивцев. Самый крупный ленивец, отяжелев сверх меры, разжал лапы, упал в воду, и я увидела себя на плоту посреди широкой равнинной реки. Мой плот был выполнен из бревен зелёного и красного цвета. Я ловко орудовала шестом. Течение

реки вначале было плавным и размеренным. Затем русло сузилось, скорость потока возросла. На пути все чаще стали встречаться глыбы камней, от столкновения с которыми мне приходилось уворачиваться. На первом же повороте из плота, на первый взгляд крепко связанного, вылетело красное бревно, затем другое, тоже красное. Крутая стремнина безжалостно терзала мой плот. Я не справлялась с управлением, а брёвна все вылетали и вылетали из связки. Не только красные, зелёные тоже рассыпались и исчезали в водоворотках. На последних двух брёвнах я кое-как балансировала некоторое время, но потом потеряла опору под ногами и очутилась в воде. Память бегала по берегу, пытаясь подхватить меня сачком. Сетка сачка была ветхой и не выдерживала веса моего тела, а древко — длинным и тонким. Оно сломалось, не выдержав борьбы с бурной рекой. Тогда Лис бросился в воду и схватил меня зубами за воротник. Он грёб всеми четырьмя лапами, а я, скованная железными обручами усталости, не могла ему помочь. Металл тянул меня на дно, брёвен поблизости не было. Я тонула. Лис боролся за мою жизнь, изнемогая и слабея. И тут пришел редактор и вытащил нас с Лисом на берег. Мы оба дрожали. Я — от страха. Лис — не знаю от чего. Он ничего не боится. Редактор разжёг костер, заварил в котелке чай из веточек смородины и вишни, накинул мне на плечи плед, а Лиса взял к себе на колени. Мы пили чай с брусничным вареньем. Моя дрожь постепенно утихала. Шерсть Лиса обсохла и распушилась. Его глаза горели в ночи как два уголька, соперничая по яркости с пламенем костра. Он пригрелся на коленях у редактора, и они оба о чём-то тихо беседовали. Я не прислушивалась, но точно, что не обо мне. Светало. Я захотела подвинуться поближе к потухающему костру, привстала и проснулась.

Мои попутчики пили кофе из термоса и тихо переговаривались, обсуждая какие-то свои дела. Я не слышала, о чём они говорят, но не обо мне же... Я вышла наружу. Позади меня был густой туман. А впереди пустыня. Бескрайняя и безграничная. Над горизонтом поднималось солнце. Напившись кофе и вдоволь наговорившись друг с другом, мои спутники включили форсаж и умчались.

— Иди за зеркала, — всё, что я услышала от них.

— И это всё?

— У тебя есть ум и время. Используй их по назначению.

Я сделала шаг вперед. Выдвигаясь в путь на рассвете.

Ноги по щиколотку погружались в белый песок. На горизонте что-то блеснуло. Надеюсь, что это те самые зеркала. Путь предстоял неблизкий, а солнце намеревалось подняться в зенит, безжалостно выжигая живое.

Я шла, всматриваясь в горизонт. Зеркала на горизонте... Может быть, это всего лишь мираж? Об этом я не узнаю, если без сил свалюсь, не пройдя и половины пути. Радовало лишь одно. Сейчас я не выполняю задание. Я в отпуске, и буду идти свой путь, пока не «отпустит», а это значит, что никого не подведу. Жизнь в той стороне, что осталась за туманом, будет идти своим чередом. Заметит кто-нибудь из красного или зелёного списка моё отсутствие? Моя пустыня бескрайна, здесь нет дорог, здесь нет ориентиров. Мой путь — это путь к самой себе. Я иду на зеркала потому, что посыльные моего редактора указали мне это направление. И

ещё. Потому что я не хочу возвращаться.

Солнце палило не так нещадно, как я предполагала. Я взглянула вверх: большое белое облако затянуло небо, укрывая меня от испепеляющего жара. Облако увидело, что я на него смотрю, и помахало мне пушистой белой лапой.

Зеркала вблизи оказались огромными и внушительными. В отполированной ветром и временем поверхности я увидела себя в полный рост. Со всеми изъянами и недостатками. У себя дома я легко справлялась с зеркалами. Мне не нравилось то, что я в них видела, поэтому я отворачивала зеркала лицом к стене или выбрасывала за ненадобностью. Здешние зеркала были столь величественны, что я не осмелилась бы поднять на них руку. Может быть кто-нибудь другой, увидев свое собственное отражение в этих зеркалах, обрадовался, но только не я. Я не любила себя. Было за что. То, какая я есть на самом деле — зрелище весьма печальное. Зеркала показывали правду. Относительно ценностей и приоритетов мира, я — это состоявшийся неудачник. Во всём и всегда. Разве я достойна была хоть чьей-то любви или хотя бы внимания? Кровь, текущая в моих сосудах двумя смешавшимися потоками провозглашала: ты — это полное ничтожество, недостойное жизни на земле. Я тонула в зеркалах, не в силах оторвать взгляда от полированной поверхности. Боль, которой я давно отдала на растерзание своё тело, всё ближе подступала к мозгу. Я не хотела отдавать этой боли свой ум, я всё еще боролась, но зеркала были сильнее меня. Они отражали мир: шумный, яркий, суетливый, поглощенный соперничеством, завистью и злобой. Я тонула в них. Лис не бросался меня вытаскивать и редактор не спешил на помощь.

Что же моя жизнь, если я не люблю себя? Что, как не пустыня под палящим солнцем? Что моя жизнь, если я не ценю себя? Что, как не суета посреди зеркал чужого мнения, чужих оценок, чужих приоритетов, чужой воли? В этих зеркалах нет жизни. Там, где прежде была жизнь, они убивают её, убивая личность. Я больше не хочу быть безвольной марионеткой, позволяя манипулировать собой. Я не хочу оставаться всего лишь отражением в них. Остаться навечно в белой пустыне.

С этой мыслью я рванулась вперед, сбрасывая на ходу лишний груз чрезмерных беспокойств, надуманных страхов, тягостных воспоминаний, ненужных мне отношений. Сделав всего один шаг вперед, в створ между зеркалами я увидела свою дорогу. Я сделала еще один шаг вперед, оставляя позади себя ненужное мне зазеркалье.

Передо мной растилась лужайка, усеянная спелой земляникой. На пенёчке сидел Лис и смотрел на меня глубокими, как вселенная, чёрными глазами. Память бежала мне навстречу, радостно подпрыгивая. Её сачок с укороченным, прочным древком стоял под акацией и сиял новизной шелковой сетки. Немного поодаль на изящно подстриженном газоне резвилась лохматая панда в голубой тельняшке и спаниель цвета какао с молоком. А на крыльце дома стояла женщина, вышедшая мне навстречу в шикарном кухонном переднике и с руками, по локти вымазанными в муке и тесте.

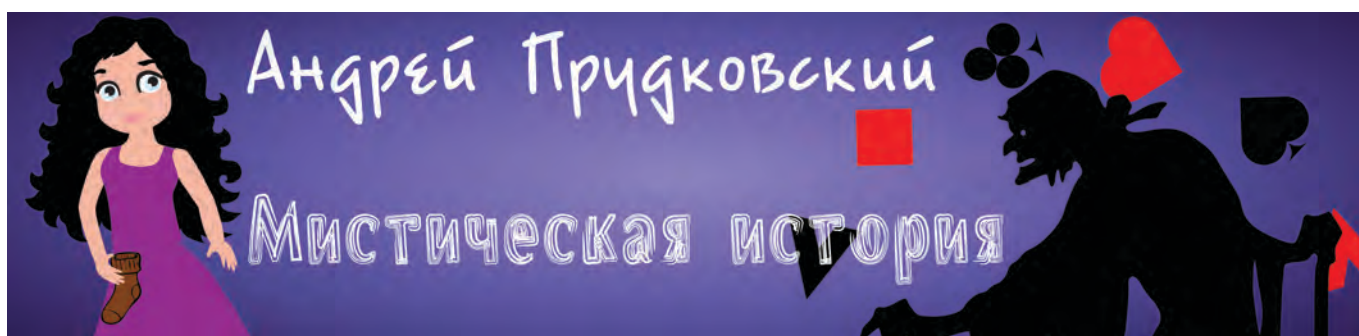
Чак Торнтон

«Наша пластиковая жизнь»

Автор о книге: *«В последнее время все больше ощущаю, что человеческая жизнь, подобно одноразовой посуде, продается за копейки. А в конце, отработав свой небольшой срок службы, выбрасывается в урну, признанная негодной. Мы работаем на работах, которые мы ненавидим, чтобы покупать ненужные нам предметы быта. Вещи, которые не нужны нам вовсе. Создавая вокруг себя мнимый уют, мы отгораживаемся от действительности, стараясь не обращать внимания на мир за пластиковыми окнами».*

ISBN 978-80-7534-073-3.

По мотивам популярной телепередачи

Сегодня первый раз в жизни получила в глаз от своего мужа. Это было так неожиданно. Конечно, Вася и раньше часто приползал домой почти на четвереньках, но чтоб такое?! Только я собралась, как раньше, устроить ему разнос, как он дал мне в глаз и молча уполз в свой угол.

Я сразу поняла, что случилось ужасное, с чем я сама ни за что не справлюсь, поэтому подхватила последние деньги и побежала к Марье Васильевне. Марья Васильевна — наша гадалка, она Клавка, нашей соседке, устроила мужа, она вернула загулявшего Ленке. Её все у нас знают, и берёт она немного за первый визит, а потом уж только остальное, если выйдет гадание. Явилась я, как видно, не вовремя, гадалка была в домашнем халате и смотрела телевизор, но глянув на мой лиловеющий глаз, согласилась раскинуть карты.

— Плохо! Очень плохо! — сказала она, взглянув на пиковый расклад. — Видишь, впереди идёт пиковая семёрка, сглаз на вашей семье. Если не уйдёшь от мужа — погибнешь, а если уйдёшь, погибнет муж — выбирай!

Я залилась слезами, не хотела я умирать, но Васе гибели не желала, хоть он и обидел меня. Так ведь не по своей воле! Сглаз на нём!

— Потому и пьёт! — подтвердила гадалка.

— А помочь можно? — робко попросила я.

— Можно, но трудно. Должна ты найти вещь заговорённую. Вижу, она где-то на полу у вас в квартире. Ты сразу поймёшь, что это она, когда найдёшь. Принеси её мне, тогда попробую помочь. И поторапливайся, срок тебе один месяц, дальше хуже будет. Давай пока тысячу за визит, а если гадание поможет, отдашь десять тысяч. Я ведь по-соседски, настоящую цену с тебя брать не буду, знаю, что на одну пенсию живёшь.

Утром Вася был хмурый, съел солёный огурец с хлебом, запил рассолом и молча ушёл на работу. На меня он даже не посмотрел. Я поняла, что это действительно сглаз, и начала поиски. Прежде всего, решила осмотреть его кровать. Мы уже давно спали раздельно, так как заснуть с храпящим и пьяным мужем всё равно было невозможно. Я перетрясла всё его грязное бельё, сунула его в стиралку, затем полезла под кровать. Там всё было заставлено пустыми бутылками из-под водки, выволокла их, загрузила в тележку на колёсиках и пошла сдавать. Пришлось сделать три рейса, пока удалось от них избавиться. А вот в самом углу!!! В углу я нашла бутылку от коньяка, и это было очень странно, так как Вася коньяк никогда не пил... Схватив бутылку, побежала к гадалке.

— Вот, нашла!

Гадалка зажгла четыре свечи, а между ними поставила таз с водой. Бросила бутылку в таз. Бутылка медленно колыхалась в тазу, а гадалка нервно хмурила брови.

— Видишь!

— Что? — спросила я.

— Видишь, не крутится! Не та это вещь! Ищи дальше!

Я вернулась домой и в кои-то веки взялась тщательно мести пол под всеми столами, кроватями, тумбочками... За этим делом меня и застал Вася, вернувшийся с работы. Он был на удивление трезв и зол. Сразу полез под кровать, а затем с криком «где бутылки» бросился ко мне. Я выбежала, в чём есть, на улицу и побежала к подруге Верке. У неё и ночевала. Верка выслушала мою грустную историю и сказала:

— Гадалка права, но помочь она тебе не сможет. Надо тебе сходить к бабушке.

Бабушку все побаивались. Она была слепой, но всё видела насквозь. Я бы сама ни за что не пошла к бабушке, но Верка настаивала.

— Бабушка денег не берёт, только продукты. Вот тебе ведро — купи ей картошки. Она тебе всё скажет.

К бабушке надо было ехать в деревню, недалеко от города, можно было добраться на автобусе. Я купила ведро картошки, подождала автобус и к полудню была уже в деревне. Дом бабушки был виден издали. Около изгороди толпились страдалицы с кульками и свёртками. Я сразу порадовалась, что ни у кого из них не было такого большого ведра с картошкой, как у меня, и не зря. Открылась калитка, вышла девочка и сразу увидела меня.

— Эй, ты, с синяком под глазом! Иди! Тебя бабушка зовёт.

— Откуда она всё знает, — спросила я девочку шёпотом.

— Не знаю, — ответила она, — но вот только что сказала мне: «Что-то картошечки захотелось! Пойди внучка, посмотри, у кого картошка, и веди ко мне!» Вот так, — закончила внучка, — бабушка всё видит. Ей даже и говорить ничего не надо, она сама всё про тебя знает!

Бабушка сидела во дворе в кресле около стола. Глаза её слепое смотрели мне прямо в душу.

— Не бойся, подойди страдалица! Вижу, муж у тебя пьёт.

Я содрогнулась: откуда она всё про меня знает?

— Дай руку!

Я протянула ей свою дрожащую ладонь. Бабушка накрыла её своей сухой морщинистой рукой.

— А детей-то вам, похоже, Бог не дал, — тихо поведала мне она.

— Не дал, не дал!

— И ты знаешь, почему, — грустно сказала бабушка.

— Знаю, знаю!

— Вот и соображай, пока свой грех не искупишь, не будет тебе счастья!

— Так что же мне делать?! — заплакала я. — Молодой я была и глупой, вот и согласилась на аборт. А теперь уже поздно, это не исправишь!

— Не поздно! Не поздно! — сказала бабушка. — Ты должна найти этого ребёнка! Я чувствую, плохо ему! Если найдёшь, всё ещё может наладиться! Иди! Иди! И поспешай! Внучка, пригласи следующего по очереди, а потом навари картошки.

В отчаянии ушла я от бабушки. Мало того, что мне надо найти заговорённую вещь, так ещё и своего нерождённого ребёнка отыскать.

Вернулась домой и ахнула, из дома пропал холодильник. Только кучка мусора на полу, там, где он стоял.

«Васька-негодяй продал, чтобы купить водки. Опять сегодня напьётся», — подумала я, привычно берясь за веник. В кучке мусора виднелось что-то рыжее. Я нагнулась и к своему удивлению увидела старый детский носок. Когда-то он был красным, но теперь порывел от старости и грязи. Сколько же лет он пролежал под холодильником? Я начала вспоминать, ведь когда я двадцать лет назад переехала к Васе, холодильник этот уже был, значит, и носок этот уже лежал под ним и ждал своего часа, чтобы сглазить всю нашу жизнь. С ужасом я глядела на заговорённую вещь, не решаясь взять её в руки. Так меня и застал Вася, ввалившийся в дом. Он был в стельку пьян.

— Что это?! — закричала я, указывая на детский носок.

Вася качнулся и упал головой прямо в кучу мусора. Тут он увидел перед глазами носок и заплакал.

— Что это? — спрашивала я, но Вася только заливался пьяными слезами и ничего не говорил. Так и уснул, головой в мусоре, а я тихонечко подхватила газеткой носок, завернула его в кулёчек и рано утром побежала к гадалке.

— Вот, принесла, — сказала я Марье Васильевне, — с опаской отдавая ей газетный кулёк.

Гадалка опять зажгла свечи и поставила между ними таз с водой. Затем вытряхнула в воду носок. Носок, покрутившись, уто-

нул.

— Видишь! — значительно сказала она. — Это и есть та самая заговорённая вещь! Ты нашла! Теперь тебе осталось найти ту, которой принадлежал носок. Найдёшь — беды твои кончатся, а не найдёшь — все погибнут: и ты, и твой муж. Иди! Всё в твоих руках!

— Да где же мне искать ту, которая носила этот носок?

— Это уж твои трудности! Не могу же я всё за тебя делать! Хотя что-то сделай сама! Иди! А как наладишь свои дела, не забудь об оплате, а то все беды вернутся... Да! Носок-то заведи, он тебе искать поможет! Если владелица этого носка его увидит, то сразу заплачет. Так ты её и узнаешь!

Что же делать? Я вернулась домой в полном отчаянии. Вася уже ушёл на работу, а в углу стояло Веркино ведро. Я сразу всё поняла. Побежала в магазин, купила капусты и моркови — полное ведро и поехала к бабушке. У калитки, как и в прошлый раз, толпились люди, но девочка меня сразу узнала и позвала без очереди.

— Картошка была хорошей, а что у тебя теперь? Капуста с морковкой? Недаром бабушка сказала мне, что пора квасить капусту. Пошли, пошли, она тебя ждёт!

«И откуда она всё знает?» — подумала я.

— Ну что, нашла? — встретила меня вопросом бабушка.

Я молча подала ей старый детский носок.

Бабушка повертела его в руках.

— Да, нашла ты то, что надо. Это носок твоего ребёнка.

— Да как это может быть? После аборта-то?!

— Может, может! Не сомневайся! Опять родился твой ребёнок, но не у тебя, а у твоего мужа. А тот выгнал из дома свою жену с ребёнком и на тебе женился. Вот теперь и страдает! Я уже сказала тебе: «Найди этого ребёнка!»

Как во сне, ехала я домой и всё думала, думала... Как же мне найти ту, которая потеряла носок много лет назад? Муж сегодня опять был трезвым и злым.

— Где деньги?! — закричал он.

А я все деньги истратила на гадалку, на картошку с капустой и морковкой, хорошо, хоть автобус для меня бесплатный.

— Ты скажи лучше, где твоя прежняя жена и дочка?!

Тут Вася совсем рассвирепел, схватил стул, да как грохнет его об пол, только щепки полетели. Я обмерла, но как-то в испуге всё же успела выскочить из квартиры, пока он меня не убил.

Опять я ночевала у Верки. Рассказала ей всю историю. «Да, — сказала Верка, — была у твоего Васи такая Светка, которая родила ему девочку. Вася-то мужик был видный, со мной часто спал, зачем ему сдалась эта Светка? Я ему и скажи, что, мол, не от тебя её девочка. Вот он и стал на неё коситься. А тут у девочки ещё и ДЦП обнаружили, вот Вася и выгнал Светку с ребёнком из дому. Я думала, он теперь на мне женится, но он тебя выбрал. Сначала я на тебя злилась, а потом перестала, ведь Вася всё равно со мной часто спал. А когда пьяный — к тебе уходил. Я так подумала и решила, что всё к лучшему».

— Верка, теперь не до обид! Помоги ты мне найти эту Светку.

— Зачем тебе?

— Так и гадалка, и бабушка сказали, что должна я найти эту девочку. Как её хоть звали?

— Не знаю, — протянула Верка, — сходи в ЖЭК, там должны быть старые списки.

— А он что, прописал её в своей квартире?

— Это вряд ли! Вася — тот ещё жмот... Тогда и в ЖЭКе не помогут... Придумала, сходи к Ерофеевне, она всегда на лавочке сидит и всё-всё знает!

— Светка, Светка, — задумалась Ерофеевна, — ...Так она потом с Колькой жила, потом с Федькой из десятой, а вот потом... Да ты к Федьке сходи, он должен знать.

Я позвонила в десятую. Федька встретил меня в дверях и обнял меня. Он был здорово пьян, но про Светку сразу всё выложил. Мол, на Пекарной живёт она. Не помню, в каком доме и в какой квартире, но поспрашивай, Севрюгина она по фамилии. Домой мне всё равно нельзя было, я поехала на Пекарную. Оказалось, всё не так сложно. Первая же бабка на лавочке на мой вопрос о Севрюгиной Свете, сразу ответила:

— Так похоронили мы Светлану Леонидовну, мир праху её! Уж сорок дней как.

— А дочка её где?

— Так дома, наверное, она же не ходит.

— Кто же за ней ухаживает?

— Пока никто, но, наверное, органы кого-нибудь назначат.

— А навестить её можно?

— Иди, вон в тот дом, в девяносто пятую квартиру, — показала она на облупленную хрущёвку.

— Как хоть зовут её?

— Да Женькой, Евгения Васильевна она.

Через полчаса я сидела вместе с Женькой и плача пересказывала ей свою историю. У Женьки глаза тоже были на мокром месте. Она не знала, как ей теперь жить. Ведь о ней всегда заботилась мать.

— Женечка, давай я попробую, — сказала я, — мне от тебя ничего не надо, только разреши помочь тебе.

И Женя согласилась. Так я и осталась жить в её квартире. И всё у нас пошло хорошо. Гадалке я по частям отдала десять тысяч. С Веркой перезванивалась, спрашивала, как там мой Вася. Верка отвечала, что пьёт по-чёрному, на работу давно не ходит. Через некоторое время квартиру продал и пропал на пару лет. А потом вдруг появился к нам, грязный, заросший, вонючий.

Я объяснила Жене, что это её отец. Она, дура, обрадовалась. Сразу разрешила ему жить с нами. Я отмыла своего Васю в ванне, потом купила ему кой-какую одежду — ту, что была на нём, пришлось выбросить. Опасалась, что опять будет худо, но ошиблась. Вася больше не пил. Устроился на работу, стал помогать по хозяйству. Одним словом, жизнь наша наладилась, спасибо гадалке и бабушке.

Мария Архангельская

«Замок Вольфен»

Молодой писатель Даниэль случайно оказывается в небольшом городке, известном своей достопримечательностью — старинным замком. Даниэль встречается с таинственным хозяином этого замка, которого в городке никто до него не видел, и тот выражает желание продолжить знакомство. Вскоре происходит жестокое убийство, и местные жители вспоминают легенды о водящихся в этих краях оборотнях. Но всё оказывается несколько не так: хозяин замка — просто-напросто вампир...

ISBN 978-80-7534-122-8.

Anna Alexandra Rojo

ТАНГО

ВТРОЕМ

Они лежали, распластавшись, как морские звезды, на зеленом газоне парка. Макушки их голов соприкасаются, глаза прикрыты, а шесть рук изображают треугольник с высоты птичьего полета. Протягивая руки и нежно касаясь пальцами друг друга, теперь, как никогда, им нужен тактильный контакт.

Натали открыла глаза: солнечные лучи проскальзывают сквозь густую листву и режут красные, не выпавшие глаза. Самокрутка гашиша, выкуренная для снятия стресса около часа назад, отпускала. В голове пронеслись отрывки разговора с подругой, который состоялся по скайпу пару недель назад:

«— Ну что ты, бредишь?! Какой роман?! Во-первых, он гей, во-вторых, он не в моем вкусе, даже если и аргентинец, ну, и в-третьих, я вроде замужем.

— Смотри, чтобы этот гей ориентацию не сменил, а про мужа забудь уже».

Лаконичный эмейл был отослан: «Добрый день! Мне ваш клуб рекомендовал друг, аргентинец. Я прилетаю в Буэнос-Айрес 1 ноября и хотела бы взять приватные уроки танго на две недели. С уважением, Наталия».

Ответ пришел незамедлительно: подтверждение встречи, время, адрес и номер телефона на случай форс-мажора.

Натали была на месте почти на час раньше договоренного времени.

— Да-а-а, надо же это заведение обозвать «Ля Шато», — протянула она, дергая за ручку закрытой пыльной стеклянной двери.

Подняла голову вверх и внимательно оглядела старое нежилое здание этажа в три, изрисованное граффити в стиле танго. Оно органично вписывалось в малоэтажную архитектуру микрорайона Альмаго, одного из старейших районов Буэнос-Айреса.

Натали нажала кнопку на стене, где-то на втором этаже отдаленно слышался сигнал звонка. Но никто не спустился, и Натали отправилась вдоль по улице к парку, чтобы убить время.

Знакомство Натали и Буэнос-Айреса произошло около шести лет назад, случайно. После ссоры с мужем она выпила бутылку коллекционного красного вина, поставила пластинку Пяцоллы на проигрывателе, приобретенном на винтажной ярмарке. Охваченная сильным желанием улететь куда подальше, она забронировала билет в Буэнос-Айрес, даже не подозревая, в какое приключение это ее заведет. С тех пор каждый год она ждала ноября, чтобы на неделю или две ускользнуть от питерской слякоти и свинцового, давящего неба в весну Буэнос-Айреса, к цветущей Жакаранде, урокам испанского, коллекционным винам и горячему танго.

Она с трепетом ждала новой встречи с городом, а он принимал ее по-особенному, приоткрывая завесу таинственности, и обязательно награждал невероятной историей. Натали не просто любила Буэнос-Айрес, она знала, что их связывает нечто большее.

Каждый раз, следуя на такси их аэропорта «Эсейса» по дороге в город, проезжая мимо индустриальных районов пригорода, его заброшенных зданий с выбитыми стеклами, проезжая мимо Обелиска, сворачивая в помпезность зеленого района Реколета, она плакала от радости. Она чувствует дыхание города. Он осязаем, он ведет диалог, направляет, окутывает тайной и оберегает.

На улице Бульнес кроны земляничного дерева, а в народе —

попросту «бесстыдницы», соединяются над проезжей частью, создавая зеленую арку. Натали стояла у булочной со столетней историей и вдыхала запах свежей выпечки. Ей казалось, что она маленькая девочка, и сейчас из окна напротив выглянет бабушка и позовет ее. Она побежит домой, где мама — молодая, здоровая — смеется, примеряя новые туфли, и собирается на танцы.

В парке Патриотов ее «выкидывало» в юность. Молодая девушка, полная революционных идей и сумасбродного оптимизма, с сигареткой во рту поет под гитару испанские песни.

В районе Реколета, гуляя мимо уважаемых домов и бутиков по авеню Аллевар, она видела себя седой и худощавой мамой, ей около 80 лет, и почему-то тут, в Реколета, ей особенно уютно и немного грустно.

Сегодня утром Натали шла на кладбище — помолчать и соприкоснуться с тем, о чем человеку не дано понять. Остановившись у белых широких ворот, она подняла голову.

«Просим тишины», — гласила надпись на фасаде, возвышаясь над белыми античными колонами.

Робко опустив глаза, с уважением к усопшим Натали поднялась по трем ступенькам и вошла на территорию. Села у излюбленного склепа в готическом стиле со скульптурой «Девушка с собакой».

Философия бренности бытия и жизни после смерти ее давно не тревожит. Она вышла из возраста «духовного максимализма». Йога, ашрамы, галлюциногенные медитации и прочие игры разума перестали существовать, она принимает жизнь, как есть, и проживает ее здесь и сейчас.

Утренние лучи меняют направление теней склепов, витражные окна на именитых домах-усыпальницах озаряет светом восходящего солнца.

Устремив взгляд на ангела, Натали проигрывала в голове арию «Хладеет в жилах кровь» Вивальди. Удовлетворенная покоем и памятью на музыку, она опустила взгляд с ангела на женщину, проходившую мимо.

Это была дама средних лет, с бледным лицом, в длинном черном платье с фиолетовыми и синими цветами. Голова ее была прикрыта черным прозрачным шифоновым шарфом. Он спадал на оголенные плечи и развеивался на ветру. В руке она несла букет жасмина. Натали, провожая взглядом даму, заметила, что та босиком. Она встала со скамейки и последовала за ней. Дама, как по воде, скользила между склепов. Натали шла метрах в десяти следом. Женщина свернула к стене. Натали ускорила шаг и свернула за дамой, но к ее удивлению женщина как сквозь землю провалилась.

Натали заглядывала в каждый склеп. Все они были хорошо ухожены, из мраморных блестящих плит, с высокими заостренными крышами, заканчивающимися крестами или ангелами с распростертыми крыльями, летящими к небесам. Светлые или темные комнаты склепов метров шести, а иногда и десяти, с подземными хранилищами для гробов и лестницей, ведущей в темную пустоту подземелья, от глубины которой у Натали хладела кровь.

На ступеньках черного склепа она заметила цветок жасмина. Натали прищурилась, прикрыв глаза ладонью от луча яркого солнца, заглянула в склеп через стеклянную дверь. По сторонам — гробы из массивного дерева с коваными бронзовыми ручками, прямо на стене — распятие. Алтарь, покрытый вязаной ажурной салфеткой, и ваза с букетом свежего жасмина. Старая, выцветшая фотокарточка стояла рядом.

Кто-то кашлянул за спиной, Натали вздрогнула и обернулась.

Перед ней был пожилой горбатый человек в плоской кепке, с торчащим из-под нее крючковатым носом. В руках у него были садовые ножницы и ведро.

— Мадам, Вам нужна помощь?

— Нет-нет, — у Натали от неожиданности сильнее забилося сердце. — Я уже ухожу.

Натали вспоминала эту странную даму с кладбища и смотрела на играющих в парке собак. Еще одно странное явление в городе, которое ее приводило в восторг — это «собачьи детские сады», как она их сама назвала. Сплошь и рядом, в городе и парках можно видеть человека, ведущего связку собак, как запряженных лошадей. Странно, что, будучи разных мастей, возрастов и характеров, собаки всегда ведут себя культурно, тихо, не рычат и не грызутся между собой. Организованно стоят у магазина, когда воспитатель занят покупкой сигарет, или, привязанные к дереву, лежат в тени.

Натали взглянула на часы: первый урок танго начнется через пять минут, и она поспешила к студии.

Она держала руку на звонке «Ля Шато» и готова была уже разругаться, если не откроют двери, как из-за угла на велосипеде показался худощавый мужчина с густой взъерошенной черной шевелюрой. Он остановился у двери, слез с велосипеда, облокотив его о стену. Порылся по карманам обтягивающих джинсов в поисках ключей. Натали наблюдала и молчала.

— Вы на урок? — обернулся мужчина.

Натали заметила, что он недавно проснулся, а вечером, видимо, выпивал: его лицо было слегка помято.

— Да.

— Я Марио, Ваш преподаватель танго, — потянулся он целовать щеку по латинской традиции.

— Приятно познакомиться. Натали, — она брезгливо пожала руку Марио, на которой заметила неостриженные ногти.

Марио открыл дверь, и оттуда потянуло чудовищным запахом подвальной сырости и перегара. Они вошли в маленький холл: у стен, обвешанных постерами в тематике танго, стоял стол, заваленный грудой бумаг из отрывных билетов, флаеров и пары старых журналов с фотографией «Ля Шато» на обложке. Весь этот удручающий вид дополняло замусоленное, годов 1970-х кресло с одним потертым подлокотником. Марио побежал вверх по широченной крутой железобетонной лестнице, Натали следовала за ним не спеша и думала: «Какая-то шарашкина контора, не внушает доверия ни место, ни тип. Ладно, возьму один урок ради опыта. Раз Федя сказал, что тут преподавание альтернативное классическому танго — проверим. К тому же осмотр всех танго-клубов Буэнос-Айреса — это часть нашего проекта и моего визита».

Они уже поднялись на верхний этаж, перед Натали открылся просторный зал метров двести в длину с барной стойкой вдали, у стены, и сценой напротив. Она была на порядок выше обычной сцены, трехуровневой, как широкие ступеньки, на которых стоя-

ло музыкальное оборудование, колонки и рояль на колесах.

— Вы первый раз у нас?

— Да.

— Наш клуб находится в здании старой фабрики. Потолки тут классные и акустика. Осмотритесь, идите к бару, выпейте кофе. Сейчас подойдет моя партнерша по танцу, Сильвия, и мы начнем.

Натали осматривала старую фабрику, о промышленном назначении напоминали разве что размеры здания. Под сводчатыми потолками метров десять высотой висели огромные бронзовые люстры с запыленными хрустальными подвесками. Под самой крышей были открыты готические окна, куда задувал свежий ветер, и залетали птицы, вылетавшие наружу с противоположной стороны.

На стенах висели огромные, метра по два, а то и три, картины. Идею художника было трудно уловить. От минимализма на черном холсте в виде двух красных капель до скрученных стволов пистолетов с вырывающимся из них огнем, который искрился и осыпался на планету Земля. Были и картины с танго, у одной из которых, разглядывая танцующую пару, остановилась Натали.

Натали подошла к бару.

— Вам кофе? — предложил молодой человек за стойкой. Он видел меняющиеся выражения лица Натали — от восторга до брезгливости и наоборот. И все же налил кофе не в кофейную чашку, а в стеклянную банку.

— Наше кредо — ресайкл. Мы используем старые вещи по-новому.

Натали села на стул с торчащим из спинки поролоном.

«Я понимаю, «ресайкл» — это когда вещи дается вторая жизнь, а в этом «Ля Шато» все, от картин до старой лампы Ильича, как будто дорабатывает свой век на пенсии. Как Федя мог меня отправить в это место? И взять за идею создать подобное заведение у нас в городе? Н-да-а-а, на фото в Интернете «Ля Шато» выглядел более презентабельно».

Женский голос сзади оборвал мысль Натали.

— Привет! Вы Натали?

Натали обернулась.

— Я Сильвия, партнерша Марио.

Она пожала руку Натали тонкими и холодными пальцами. Молодая женщина между тридцатью пятью и сорока годами стояла в обтягивающем черном трико. Танго-туфли на высокой шпильке зрительно удлинляли ее стройные ноги, короткий обтягивающий небольшую грудь топ оголял плоский живот. Темные волосы почти до пояса были скручены и свисали спереди, обрамляя прямые скулы. Зеленые глаза выражали дружелюбие и показывали открытость.

— Я плохо говорю по-английски, — улыбнулась она. — Пойдемте, занятия будут в малом зале.

— Ничего страшного, я немного говорю по-испански, — Натали женщина приглянулась, она была опрятна и располагала к общению.

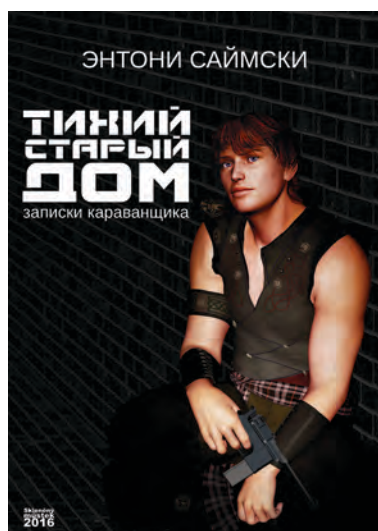
Продолжение следует...

Энтони Саймски

«Тихий старый дом. Записки караванщика»

Действие романа «Тихий старый дом. Записки караванщика» разворачивается в мире, пережившем глобальную катастрофу. Однако остатками человечества удалось выжить и даже наладить на руинах какую-то видимость нормальной жизни. Теперь по бескрайним пустошам между запустевшими, разбросанными на сотни километров человеческими поселениями тянутся лишь тонкие цепочки купеческих караванов. Перед нами — полная опасностей и приключений жизнь одного из караванщиков, волей судьбы столкнувшегося на своем нелеком пути с очень необычным человеком...

ISBN 978-80-7534-109-9.

Петр Цыплаков

Петр Николаевич Цыплаков публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: поэма «Сотворение мира», миниатюры «Вопросы о Вечном», «О страхе Божьем», «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Сотворение Нового Мира», «Земля Нового Мира», «Замысел Царств», «Слово о сокрытом Свете», «Зов Премудрости Божией», «Жертвенность как основополагающий принцип бытия», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Вечный сад», «Квадратура Круга», «Лики Божьей Славы», «Пятидесятница», «Воскресение», «Могущество», «Погружение в Исток», «К Богу», «Обретение себя», «Лесная лань», «Грани Первосвета», «Пробуждение», «Посвящение в Вечность», «Прозрение», «Храм», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Гимн спасения», «Сострадание Христу», «Древний путь», «К Иисусу Христу. Ожидание», «Крещение огнем», «Причастие».

Единение

Все сиянием искрится,
Отражая Божий лик,
То сияют наши лица,
Каждый — Божий ученик.

Каждый — сын, сыновства доля
И желанна, и легка,
То Любви Святой раздолье,
Божьей Славы облака.

Душ спасенных звон и пенье
Полнят наш Вселенский Дом,
Это — с Богом единенье,
Это пенье лишь о Нем.

Отче наш, Тобой мы живы,
Ты посеял в нас Любовь,
И уже томятся нивы:
«Отче, место приготовь»

Для зерна и перемола,
И чтоб пекся хлеб святой,
Чтоб Твоя святая воля
Возвращала все Домой,

Где Твоей Любви горнило
Претворяет все в Любовь,
Это будет, есть и было,
Отче, место приготовь!»

27 марта 2017

Воспоминание о рае

Лампы древней свет златой,
Сердца упоенье
Струн сладчайшею игрой,
В прошлое прозренье —
В рай медовых райских встреч,
Где мы рядом были,
Где светла, как воздух, речь,
Где Творца мы чтили
Упоительной игрой
На лучах — на струнах,
Там был слышен голос твой
Средь созданий юных,
Устремившихся к Отцу:
Там я был тобою,
Ты был мною, и к Отцу
Мы текли с мольбою,
Чтоб вершилась наших сил
Тайна пресвятая —
Чтобы нас Он единил,
В душах обитая!

Июль 1999

Лесная лань

Твою читаю немоту,
лесная лань,
Твою для сердца красоту —
беру как дань:
В тебе и нежный обморок
лесных озер,
И страсти девственный бросок
в лесной простор.
В тебе ручья порыв живой
и листьев дрожь, —
Я стану чуточку тобой,
когда уйдешь...

1986

Сострадание Христу

В молчаньи — как на путь Иова,
На твой взираю путь:
О Сыне Божий, это длится снова,
Событий неизменна суть...

Вновь — праведник, ослепшими гонимый,
Их мыслей мрак, безумство их речей...
А как же Свет предвечный, негасимый,
Ужель ничьих он не зажег очей?

О исцеленные Христом, ну где вы, где вы?
Откройте Свет мятущейся толпе,
Верните ей забытые напевы,
Направьте по потерянной тропе!

Ведь как нам облегчить его страданья —
Того, кто до конца нас возлюбил?
Одним лишь только — трепетным признаньем
Любви и Света, что он нам открыл!

Признаньем трепетным,
признаньем безоглядным,
Чтоб стать, как он, для страждущих сердец
Средь мук земных — убежищем отрадным,
Во льдах бездушья — солнцем, как Отец.

В молчаньи — как на путь Иова,
На твой взираю путь:
О Сыне Божий, оживи нас снова,
Событий неизменна суть!

22 февраля 2005

Древний путь

Иисус был плотником, пока не принял Духа,
А Дух всегда евреям ведом был,
Сплотив Законом налитой их колос
И дав им доступ к тайнам бытия.

Как зерна в колосе, их души созревали,
И был Закон им — словно скорлупа,
Когда птенцы, не ведая друг друга,
Тепло единое от матери берут.

Так и Душа Господня — Дух Познания —
В них возгревала Истины ростки,
Единство пестуя в болезнях, испытаньях,
Откладывая жатву до поры.

Когда ж Отец Небесный Духа жаром
Решил Опреснок Истины испечь,
Он Первенца Марии — Свой Начаток —
Пожал, желая плоть с него совлечь.

И Он евреев зернами рассеял —
Посеял среди нас, чтоб мы могли
За ними вслед, в Познании взрослея,
В мир горний подниматься от земли.

Оставим же сомнения и споры,
Сердца свои к Закону обратим,
Взойдем на Божии святыя горы,
И во Христовом Духе воспарим!

март-апрель 1995

К Иисусу Христу. Ожидание

Томится сердце в ожиданьи
Тебя, Жених мой дорогой:
Войди, Небесное Сиянье,
В мой растревоженный покой!

Войди, сольемся в устремленьи,
В полете к Вечному Отцу:
Я лишь листок, Ты — Дуновенье,
Влекущее к Его Лицу.

Средь славословий обитая,
Зовет немолчно нас Отец
И принимает нас, сплетая,
Из наших душ Себе Венец!

январь 1991

Нана Блик

«Лилиан»

Кто бы мог подумать, что юная американка Лилиан Саммерс, в одночасье лишившаяся семьи, будущей карьеры и человеческой жизни, сможет обрести гораздо больше, чем потеряет. Роковая встреча с Сэмюэлем Томпсоном перевернёт её мир с ног на голову, демонстрируя Лили её демоническую природу, виновниками которой, по сути, являются её же родители: женщина, созданная Богом и выгнанная из рая, и сам Князь Тьмы. Водоворот преград в лице Ангела Смерти, псевдосестры и посланников Бога заставит Лили и Сэма в поисках истины избородить всю страну, Европу и мир в целом, но когда извечная битва добра и зла, наконец, достигнет своей кульминации, станет ясно, что основное сражение развернулось в душе самой Лилиан.

ISBN 978-80-7534-087-0, 315 стр.

Нана Блик

«Наоми»

Мистический роман «Наоми» является продолжением мистического романа «Лилиан», в котором также повествуется о жизни Лилиан, только уже через призму восприятия её дочери Наоми, которая, как ни странно, абсолютно не разделяла маминых идеалов, омрачая ей выстраданное женское счастье. Но бунтарке Наоми быстро помогли понять, чего стоит она, а чего — Лилиан, правда, такой ценой, которую заплатить она была вовсе не в состоянии. Хорошо, что у Наоми есть Лилиан — она, как любая нормальная Мать, всегда придёт на помощь своему любимому чаду вне зависимости от того, сколько ошибок оно успел совершить!

ISBN 978-80-7534-104-4, 276 стр.

В парке было не так много людей, как обычно. Было ещё светло, фонари не горели. Все места на лавочках были заняты. Ведь лавочки были особенными – каждая на три места, а каждое место с подлокотниками и подставкой для шеи, чтобы можно было удобно откинуться назад. У каждого фонаря стояло по две лавочки – справа и слева. В щитке напряжения – шесть проёмов для подключения и питания портативных устройств. Никто не обижен, все довольны. И не надо ждать своей очереди.

Полдень, парк открывался в восемь. В восемь ноль пять на лавочках уже не было свободных мест. Молодёжь прибегала и рассаживалась по местам, втыкала шнур и уходила в сеть.

На них с рекламного плаката на соседней улицы смотрела молодая худая модель со сладкой улыбкой. Она изящно изогнула шею. На шее была «бабочка» – электронная модель коммуникаторов нового поколения, теперь со сменными крылышками разных расцветок. Это было очень кстати – молодёжь любит подчеркнуть свою индивидуальность.

Особенной популярностью пользовались наклейки «Мёртвая голова» – для тёмных субкультур и «Сахарный бражник» – для милых девушек.

Каждый из уважающих себя молодых людей хотел получить в подарок «бабочку», ещё лучше – последней модели. Без неё – тебя нет.

Сам процесс подключения был совершенно безболезненным – пользователь откидывал голову назад, «бабочку» клали ему на шею. Лёгкие и подвижные крылья из невесомого сплава складывались назад, облегали полностью поверхность под гортанью. Неосязаемые нейронные иголки чуть прокалывали кожу – так, чтобы «бабочка» не сползла. Ну, вот и всё: перед твоими глазами виртуальная панель. Управляй ей, води зрачками, моргай вовремя – и через пару дней ты – уверенный пользователь.

Дружи, общайся, публикуй, люби, комментируй, существуй.

На траве, недалеко от дорожки, подложив под себя куртку-ветровку, сидела девочка лет тринадцати. Немного полненькая, одетая в лёгкие штаны с узором в цветочек и синюю футболку без рисунка, она рассматривала что-то у себя на коленях. Потом чуть подвинулась и взяла литровую банку стоящую рядом. Там, под чистым стеклом, порхали пять запертых бабочек. Две из них уселись на обломок веточки, положенный на дно, три других пытались вылететь наружу. Но пластиковая крышка с дырочками не давала им этого сделать.

Девочка чуть прищурилась, поставила банку перед собой и достала из рюкзака пенал. Острый карандаш начал бегать по бумаге блокнота для зарисовок, лежащего на коленях. Сделав пять набросков, она закрыла его – магнитная вставка негромко хлопнула. Его обложка смотрела на мир удивлёнными совами.

Девочка потянулась и огляделась. Ничего не изменилось.

А, нет. Кто-то идёт.

По дорожке парка быстро шёл четырнадцатилетний парень. Весь в прыщах, нескладная причёска каштановых волос дёргалась при ходьбе. Дранные джинсы, мятая рубашка, старые кроссовки. Главный хулиган класса, тот, кто её постоянно дразнил и унижал – Майкл, для всех Мик – он заметно нервничал во время своей прогулки.

Девочка провожала его взглядом, почти не двигаясь. Она его не боялась, но некоторые опасения по поводу него были. Настроение и так было не очень, а тут ещё и он появился.

Наконец он её заметил. Лицо перестало быть таким обеспокоенным.

– А, толстуха!

Та отвернулась.

– Чего это ты здесь делаешь совсем одна? А, жирная?

Она молчала.

– Слышь, Юджина, я к тебе обращаюсь! – чуть не крикнул он.

– Что тебе нужно? – спросила она, глядя на него исподлобья. –

И кстати, где твоя «бабочка»?

Он прикусил язык и невольно закрыл шею ладонью. Это правда – «бабочка» сегодня была не при нём.

– Сломал, да? – догадалась она. – Когда вчера подрался со старшеклассником и тебя толкнули с лестницы. Впрочем... если бы не она, ты бы свернул шею. Жаль. Если бы так, ты бы меня больше не доставал.

– Слушай, ты, зараза, жи... – он не успел закончить мысль.

Девочка на него больше не смотрела. Она услышала чей-то голос и её это беспокоило. Этот голос назвал её псевдоним в сети.

«Джун опять запостила новые рисунки. Хорошие! Хорошие! Надо разместить у себя на странице! Вот бы и я так рисовала! Удивительно, она и постит, и рисует, и в выставках участвует. Вот бы её встретить, поговорить. Но жаль, что она так редко бывает в сети. Как будто у неё нет «бабочки»! Как же я жила без неё – представить не могу! Я была такой непопулярной! Много-много друзей у меня теперь. А вы – мои лучшие подруги! Эй, слышишь меня? Сейчас, не покидай беседу. У меня заряд почти на нуле...»

– Чего это? – не понял Мик.

– Обернись, – сказала Джун.

Из-за кустов появилась тринадцатилетняя девочка. Худая, нескладная, с прищуренными глазками она быстро и нервно шла по каменной дорожке в поношенных сандалиях. Ничего не замечая вокруг, она всё ближе подходила к скамейке, на которой уже сидели другие девичьи. Бабочка на её шее тускло мигала – заряд уже был почти на нуле, а покидать социальное пространство она была явно не намерена.

Она подошла к столбу, посмотрела на него, увидела, что все свободные слоты для подзарядки заняты. Потом посмотрела, какой провод к какому человеку ведёт. Выбрала один из них и резко выдернула. Одна из сидевших слева девушек заморгала глазами, опустила голову и злобно посмотрела на нарушительницу спокойствия. Та, как ни в чём не бывало, уже втыкала в слот шнур от своей «бабочки», выбросив выдернутый на землю в пыль.

Девушка сорвалась со скамейки и налетела на новенькую. Обе упали на дорожку. Вставшая схватила новенькую за длинные волосы серо-коричневого цвета и резко потянула их на себя. Одна волнистая прядь осталась в кулаке, новенькая заорала. Потом ударила оппонентку ногой в живот и сразу получила пощёчину.

Девушки на скамейке никак не реагировали на происходящее. Тут одна из них вздрогнула, её голова немного затряслась, пальцы на руках стали непроизвольно сжиматься и разжиматься. А потом она упала со скамейки без чувств.

Двое перестали драться, быстро встали, отпихнули упавшую от скамейки, выдернули её кабель, подключили свои и сели рядом, как ни в чём ни бывало.

Упавшая в обморок почти не двигалась. Но бабочка на её шее горела – заряд был почти на максимуме.

– Помогите-ка, – Джун встала с травы и подошла к лежащей. Парень пошёл за ней. – Не надо ей на камне лежать, заболит ещё.

Они без труда оттащили её на траву. Джун подложила под её голову свою куртку, сделала компресс из мокрой тряпки.

– Позвони-ка в скорую. Пускай приедут. У неё, кажется, голодный обморок. Обычное дело: пришла в парк, подключилась с утра и сидит здесь всё время. Пока не свалится.

– А это... А часто здесь это бывает?

– Да. Часто. Я уже привыкла.
Мик смотрел на неё чуть ли не с ужасом.
– А ты так спокойно об этом говоришь?
– А чего мне – плакать из-за этого? Это не поможет. Это раньше я плакала, что у меня нет друзей. А теперь... Уж лучше не будет друзей, чем вот такие. Чем стать вот такой. Не хочу.

Парень замолчал. Джун в это время достала из кармана брюк телефон не новой модели, щёлкнула на быстрый набор номера. Через десять минут в парке должен был появиться врач.

Чёрный линёр бегал по плотной бумаге. Джун накладывала тень на рисунок – под крышкой и немного слева. Можно было нарисовать ещё один набросок. Парень сидел рядом. Джун, не отрываясь от блокнота, спросила:

– Ты в курсе, что на шее есть железа в виде бабочки?
– А, ну... Да, на биологии что-то говорили.
– Щитовидная.
– Ну, я особо не слушал.
– Из-за неё люди становятся кретинами.
Мик повернулся к ней.
– Чего?
– Такими, как ты, но только постоянно.
– Эй, слушай, не хами!
– Ты первый обозвал меня сегодня толстой и ещё не извинился за это.

– Ладно. Извини.
– Тоже ладно. Извини. Мы теперь квиты.
– Ну, а в смысле? Тупыми или?..
– Если она неправильно работает. Такое всегда происходит, если что-то в организме неправильно работает, то человек болеет. Это можно вылечить, но... Лучше всё же не болеть.

– А к чему ты это всё ведешь? – не понял Мик.
– Да так, подумалось... Железа в виде бабочки на шее. Электронная штука в виде бабочки на шее. Как раз – одна над другой. Может, эти штуки делают всех глупыми, а взрослые молчат. Им так выгодно, наверное?

– Да, может, поэтому папа и зовёт меня «Тот, из поколения дураков»! – попытался пошутить Мик.

Джун нехотя улыбнулась. Мик решил продолжить разговор, но девочка его опередила.

– Вот та, что пришла и устроила это всё... Ну, драку, ты понял.
– Ага, ну?
– Это моя подруга из параллельного класса. Энн.
– А почему она не поздоровалась?

– Бывшая подруга.
– ... почему?
– Она не захотела со мной общаться. Потому что я не хотела «бабочку».

– Но...
– Мне достаточно домашнего компьютера. С него всё делаю. А на улице и телефона хватает.

– Джун, слушай.
– Для тебя – Юджина.
– Слушай, а почему ты не хочешь себе «бабочку»?
– А зачем она мне?

– Ну, как?.. – он понял, что ничего не может сказать по поводу этого.

– А зачем она мне? – повторила вопрос девочка.

– Быть как все?
– А оно мне надо? Я – как все?

– ...
– Отвечай! Я – как все? – со злобой сказала она. – Я никогда не была такой, как все! Не поэтому ли вы все в классе надо мной издеваетесь?

– Да, поэтому... – сказал Мик, виновато опустив голову.

Джун отвернулась. И увидела, что к парку подъезжает скорая помощь. Она встала и стала махать врачам, чтобы они подошли, а потом пошла к ним навстречу.

– Джун!
– Что? – спросила она не оборачиваясь.

– Но почему всё же?.. А?
– Потому что я не хочу, чтобы моя жизнь проходила мимо, – отрезала она. И пошла.

Она прошла мимо Энн, сидящей в трансе на скамейке. Та улыбалась, на щеке был кровоподтёк, губа разбита, краснела кожа под вырванными прядями. Прыщавое худое лицо улыбалось. Джун не посмотрела в её сторону.

Мик со смешанными чувствами смотрел вслед уходящей полненькой девочке. Его «бабочку» починят уже сегодня вечером, и он сможет вернуться.

Он посмотрел на бабочек в банке. Потом на людей на скамейке. Потом – на ту, что лежала на траве, на куртке Юджины. Она уже пришла в сознание, а «бабочка» была заряжена. Она снова была в сети. Она улыбалась – гортань приятно щекотало. Всем понравился её пост. Она нравится. Хорошо.

По щеке у неё потекла тонкая ниточка слюны.
Она нравится.
Хорошо.

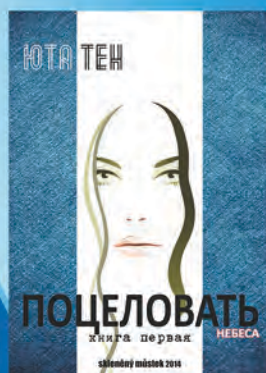
Неда Гиал

«Легенды Сирхаалан. Книга I: Ветры Севера»

Более чем двести лет прошло с тех пор, как легендарная правительница Чёрного Королевства Драгомира исчезла вместе со своим эльфийским возлюбленным в магических туманах. Под натиском потока искажённой магии – порождения безумной королевы Цветаны, пронёсшегося над Сирхааланом, пал магический барьер, более двухсот лет защищавший сердце Эльфийского Королевства – Заколдованную Долину Драйахглени. В это время потрясений и смут на руинах Белого Королевства выпало жить и сражаться за жизнь и престол наследнице древнего рода – принцессе Мечиславе, хранящей в своей крови не только память многих поколений белых королей, но и нечто большее – то, что, возможно, однажды восстановит магическое равновесие вселенной Сирхаалан.

ISBN 978-80-7534-127-3, 978-80-7534-128-0.

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

